

Введение

В последнее время взаимодействие туризма и геополитического пространства становится все более очевидным и требует всестороннего научного осмысления. Если вопросы влияния геополитического фактора на развитие туризма неоднократно поднимались в специальной литературе, то использование международного туризма в качестве инструмента геополитического воздействия пока не нашло должного освещения. Между тем туризм, выступая в роли связующего звена между обществом, государствами и геополитическим пространством, все чаще становится геополитической силой. Его роль в укреплении международных отношений, улучшении имиджа страны и т.д. неуклонно повышается. Изучение геополитических аспектов туристской деятельности имеет как теоретическое, так и большое практическое значение.

Работы, посвященные влиянию геополитической обстановки на развитие туризма, как правило, строятся на разборе конкретных ситуаций. В них рассматриваются общие направления влияния, а также затрагиваются вопросы безопасности туризма.

Так, С. И. Пустовойтенко, анализируя факторы трансформации туристских потоков в современных условиях, к числу наиболее важных относит геополитический фактор [Пустовойтенко, 2019]. Автор обращается к кейсу развития отечественного туризма после крымского кризиса и введения санкций в отношении России со стороны стран Запада. В статье А. Маданкан и Э. Эзатти «Воздействие геополитических факторов на туризм на Ближнем Востоке» [Madankan, Ezzati, 2015] исследуется проблема терроризма и политической нестабильности в мусульманских странах и их последствий для развития туризма.

Представляет интерес масштабное исследование, посвященное влиянию геополитических событий на потребительский спрос в международном туризме [Mogakabati et al., 2017]. Его результаты были представлены на крупнейшей в мире специализированной туристской выставке-ярмарке в Берлине в 2017 г. Опрос, проведенный среди более чем 6 тыс. туристов

из девяти стран (Великобритании, Германии, Индии, Китая, России, США, Франции, Южной Африки и Японии), показал, что безопасность является императивом в путешествии. Авторы исследования пришли к выводу, что туризм невероятно уязвим при неблагоприятной геополитической обстановке.

Что касается оборотной стороны, а именно влияния туристской деятельности на геополитическую обстановку, то дефицит научного внимания к нему во многом объясняется новизной проблематики, неочевидностью воздействия и сложностью его оценки. Одним из первых к этой теме обратился болгарский географ В. К. Крыстев [2015, 2016, 2017], исследуя вопросы геополитического воздействия на примере Болгарии.

Только с выходом ряда трудов в последние годы наметилось преодоление разрыва между исследованиями в области политической географии/ геополитики, с одной стороны, и исследованиями в области туризма — с другой. Среди них следует выделить коллективные монографии «Туризм и геополитика: проблемы и концепции в Центральной и Восточной Европе» под редакцией Д. Холла (2017) [Tourism and Geopolitics..., 2017], «Миры без границ: этика, мораль и мобильность» А. Пааси, Е. Проккола, Дж. Сааринена и др. (2019) [Borderless Worlds., 2019], «Туризм и гостеприимство в конфликтных дестинациях» под редакцией Р. К. Исаака, Е. Жармака и Р. Батлера (2019) [Tourism and Hospitality., 2019] и др.

Особую группу, весьма многочисленную составляют работы, посвященные взаимовлиянию политико-административных границ и туризма. Эта проблематика представляется более проработанной. Заметный вклад в изучение туристской лимологии внесли Д. Дж. Тимоти, С.Л. Дж. Смит, Д. Д. Арреола, Дж. Р. Кертис и др.

В монографии, которая отдана на суд читателю, за основу взята концепция геополитических сил Дж. Ная. Согласно ей, выделяются «жесткая», «мягкая» и «умная» силы, которые выделяются в зависимости от характера и интенсивности оказываемого влияния. В специальной литературе по геополитике туризма последний рассматривается как инструмент воздействия только «жесткой» или «мягкой» силы. Авторы монографии не ограничились этим и особое внимание уделили

международному туризму как «умной» силе, сочетающей «жесткий» и «мягкий» подходы.

Монография состоит из трех глав. В первой главе закладываются теоретические основы исследования. В ней содержится характеристика основных типов геополитического влияния согласно концепции Дж. Ная. Раскрыты особенности «жесткого», «мягкого» и «умного» воздействия.

Вторая глава посвящена взаимовлиянию международного туризма и геополитической обстановки. Проанализированы события 11 сентября 2001 г. в качестве наиболее показательного примера воздействия неблагоприятного геополитического фактора на состояние туристской сферы во всем мире и, в частности, в США. Отдельно рассмотрено развитие туризма в Египте и Тунисе после событий «арабской весны». Авторы приходят к выводу о том, что в странах, обладающих изначально высокой туристской привлекательностью, как Египет, после нормализации геополитической обстановки ситуация на туристском рынке выравнивается быстрее.

Особое внимание уделено международному туризму как фактору геополитического воздействия, выделены основные типы его влияния исходя из характера и степени интенсивности. Представлено авторское видение субъектов и объектов воздействия. Показана специфика использования туризма в качестве инструмента «жесткой», «мягкой» и «умной» сил.

В третьей главе подробно разбираются кейсы геополитического влияния посредством туризма. Одним из самых свежих и ярких примеров «жесткого» воздействия может служить санкционирование Российской Федерацией Турецкой Республики после инцидента на сирийско-турецкой границе, когда был временно остановлен туристский обмен между странами. Анализ правовых документов позволил определить меры, которые были предприняты в отношении турецкой стороны, и их последствия для России и Турции.

Эффективность «мягкого» действия туризма показана на примере Испании периода диктатуры Ф. Франко. Развитие массовых форм въездного туризма помогло стране улучшить ее имидж на мировой арене и прорвать политический вакуум, в котором она находилась.

«Умная сила» рассмотрена на примере выездного туризма граждан КНР. Развивая его, Китай укрепляет международные связи, повышает собственную идеологическую привлекательность, формирует толерантное отношение к народам, населяющим Китай, и создает положительный образ страны в геополитическом пространстве. При этом КНР активно использует и «жесткие» методы, экономически подавляя туристическую индустрию в странах посещения.

Выдвигаемые в монографии теоретические положения богато иллюстрированы примерами. Проанализированы опции прямого воздействия, представленного санкционированием, а также возможности косвенного влияния с помощью «мягкой» и «умной» силы туризма. Обширный и разнообразный фактологический материал, включенный в монографию, был тщательно отобран и всесторонне проанализирован. Он представляет самостоятельную ценность.

Авторы будут считать свою миссию выполненной, если книга привлечет внимание специалистов и даст толчок развитию нового направления исследований — геополитики туризма.

Глава 1. Теоретические аспекты геополитического влияния

Согласно одному из наиболее емких определений, геополитика — это система знаний о контроле над пространством [Шубин, 2008]. Одной из ключевых задач геополитики является исследование механизмов и форм контроля над геопространством. Эти механизмы и формы изменяются со временем [Колосов, Мироненко, 2001]. В зависимости от геополитической силы и применяемых инструментов влияния выделяются разные типы геополитического воздействия.

Геополитическая сила — это реальное либо потенциальное влияние, распространяемое тем или иным субъектом за счет обладания определенными возможностями и готовностью их реализовать [Боричевская, 2004]. Считается, что все геополитические силы имеют общий признак — воздействие на политику других государств. Однако это влияние может осуществляться разными способами, что в свою очередь дает полное основание говорить о разнообразных формах использования силы [Гукасов, 2011]. Выделяются «жесткая», «мягкая» и «умная силы», определяемые исходя из интенсивности воздействия и используемых механизмов влияния.

1.1. Концепция «жесткой силы»

«Жесткая сила» (от англ. *hard power*) — форма политической власти, которая связана с прямым воздействием и применением военного и/или экономического принуждения для корректировки поведения или интересов других политических сил. В таких случаях речь часто идет об агрессии. «Жесткая сила» наиболее эффективна, когда объект влияния имеет меньшую военную или экономическую мощь [Nye, 2006; Campbell, O'Hanlon, 2006].

Понятие «жесткой силы» получило широкое распространение. Оно противопоставляется «мягкой силе».

Классическим примером достижения геополитических целей посредством военных действий является операция «Несокрушимая свобода». После террористических актов 11 сентября 2001 г., совершённых фундаменталистской исламской воору-

женной группировкой «Аль-Каида», США развернули масштабную военную кампанию, направленную на борьбу с международным терроризмом и известную как «Несокрушимая свобода». Официально это название относится только к военным действиям в Афганистане (2001–2014 гг.), но также ассоциируется с конфликтами в Йемене, Сомали, Филиппинах, Грузии, Ливии, Алжире и Мавритании, имеющими прямое отношение к антитеррористической деятельности.

Пресечь деятельность «Аль-Каиды» в Афганистане невозможно было дипломатическими методами и с помощью «мягкой силы». Требовалось задействовать американскую военную мощь [Nyе, 2006]. Помимо антитеррористических целей, кампания предполагала усиление влияния США на стратегически важных территориях Евразии. Опыт США в ходе операции «Несокрушимая свобода» демонстрирует, что некоторые политические цели могут быть достигнуты исключительно с помощью «жесткой силы».

Военная мощь не всегда является исключительным инструментом «жесткой силы». В некоторых ситуациях она может способствовать укреплению «мягкой силы». В XX в. крупные политические лидеры, такие как Иосиф Сталин или Адольф Гитлер, чтобы завоевать внимание потенциальных союзников, создавали и продвигали образы непобедимых идеологий, подкрепляя их военными ресурсами [Nyе, 2006]. При этом злоупотребление военными ресурсами и их прямое применение неблагоприятно сказывается на «мягкой силе» геополитического игрока.

Военная мощь может использоваться в рамках программ сотрудничества и обучения. В таких случаях она выступает источником «мягкой силы», а иногда позволяет сочетать «мягкую» и «жесткую силы». Так, предоставление масштабной гуманитарной помощи американской армией после разрушительного цунами в Индийском океане и землетрясения в Южной Азии (2005 г.) помогло утвердить позиции США в мировом пространстве [Nyе, 2006].

Тем не менее в большинстве случаев использование военной мощи в качестве «жесткой силы» сопряжено с рядом отрицательных последствий: формированием имиджа агрессора и значительными расходами на военные нужды.

Ресурсом «жесткой силы» может выступать не только военная, но и экономическая мощь. Наиболее распространенным методом воздействия в таком случае является санкционирование.

Санкции — это политика и действия, инициированные одним или несколькими субъектами международного права в отношении одного или нескольких объектов для достижения целей внешней политики. Обычно их целью является оперативное реагирование на внешнеполитическую деятельность объектов воздействия, а также на события, которые не отвечают политическим целям государств и международных объединений. Санкции как форма вмешательства считаются экономичным и менее рискованным инструментом геополитического воздействия, занимающим срединное положение между дипломатическими и военными методами [Seyfi, Hall, 2018].

В 1990-е годы, после распада Советского Союза и окончания холодной войны роль экономических санкций резко возросла. Санкции и экономические бойкоты стали все чаще применяться в качестве дипломатического метода кнута и пряника [Seyfi, Hall, 2018]. Учитывая обширный диапазон применения, разнообразие механизмов и масштабов реализации, различие субъектов и объектов влияния, санкции становятся одним из стандартных инструментов международных отношений.

Пожалуй, наиболее ярким примером в наши дни является применение взаимных санкций между Россией, с одной стороны, и США, Евросоюзом и их сторонниками — с другой. Они были введены после включения в состав Российской Федерации в начале 2014 г. части Крымского полуострова — Автономной Республики Крым и города Севастополя.

Использование экономических санкций как механизма жесткого геополитического подчинения объясняется стремлением сторон утвердить за собой победу в гонке интересов. Однако вероятны неблагоприятные последствия, такие как сокращение или разрыв устоявшихся международных отношений и создание негативного политического имиджа.

В настоящий момент «жесткая сила» сохраняет значение в мире, где государства стремятся оградить собственную

независимость, тогда как внегосударственные группировки (террористические организации и др.) готовы прибегать к насилию [Бобыло, 2013]. В то же время тенденции мирового развития свидетельствуют о необходимости применения «мягкой силы», что объясняется наличием межгосударственных контактов, а также невозможностью решения ряда внутренних и международных проблем исключительно силовыми средствами.

1.2. Концепция «мягкой силы»

В современных условиях инструменты прямого воздействия во внешнеполитической деятельности государств, использование «жесткой силы» отходят на второй план [Матвеевко, Галаева, 2015]. Более востребованными и эффективными становятся косвенные инструменты влияния — «мягкая сила».

«Мягкая сила» — это способность воздействовать на мировое геополитическое пространство посредством установления культурного и политического влияния, формирующего добровольное участие и подчинение [Нуе, 2004].

«Мягкая сила» страны основывается главным образом на трех источниках: культуре, политических ценностях и внешней политике (законной и авторитетной в мировом пространстве) [Нуе, 2006]. Политическая система и внешняя политика государства, заслуживая международное признание, способны оказать такое же мощное влияние, как культура.

Рассматривая проблему сквозь призму культуры, можно заметить, какой силой обладает привлекательность страны в целом: ее социальные ценности, жизненный уклад населения, история, традиции и пр. Одновременно к факторам влияния относят и конкретные достижения, например производство определенных товаров широкого потребления [Братерский, Скриба, 2013]. При этом, как утверждает Дж. Най, приобретение силы посредством конкретных достижений и эффективность ее воздействия зависят от ситуации. По его мнению, повсеместное потребление Кока-Колы не является результатом политического влияния, однако другие, более масштабные и значимые предметы потребления и культуры могут косвенно выступать инструментами «мягкой силы».

Ярким примером «мягкой силы», основанной на достижениях национальной культуры, является быстрое распространение и рост популярности в мире современной индустрии развлечений Южной Кореи. Это явление известно как «Корейская волна», или Халлю [Аигина, Новикова, 2017]. Корейская поп-культура (кинематограф, телевидение, музыка) упрочивают позиции в Азии и стремительно завоевывают страны Океании, Северной и Южной Америки, Европы и Ближнего Востока.

С помощью распространения культуры, идей, общественных ценностей не только формируется привлекательный образ страны, но может быть решена и более сложная задача, а именно трансформация негативного геополитического образа в противоположный положительный.

Другими ресурсами «мягкой силы» признаются политические ценности и легитимная внешняя политика. Наиболее эффективным путем продвижения политических ценностей является публичная дипломатия. Центральная роль в ее осуществлении принадлежит информационному ресурсу и контролю над информационными потоками [Бобыло, 2013].

Дж. Най выделяет три направления публичной дипломатии:

- 1) регулярное освещение внешнеполитической деятельности в мировых СМИ;
- 2) «стратегическое общение», под которым подразумевается фокусированное публичное обсуждение политических тем, наиболее важных для государства и общественности;
- 3) развитие прямых контактов с иностранной аудиторией посредством образовательных обменов и стипендиальных программ.

Дж. Най обобщил опыт мягкого воздействия США как могущественного геополитического игрока в современном глобальном мире. Соединенные Штаты распространили влияние на значительную часть мирового сообщества благодаря религиозно-идеологическому концепту «американской мечты», возведенной в ранг национальной идеи. Сегодня она символизирует идеал жизни в Америке — высокие стандарты качества жизни населения (недвижимость в личной собственности, высокооплачиваемая престижная работа, медицинская

страховка и т.д.) и продвижение по социальной лестнице. Несмотря на труднодостижимость, а подчас и утопичность «мечты», она импонирует многим людям, равно как и американские образ жизни, массовая культура и экономические достижения страны.

Эффективность действия «мягкой силы» подтверждается тем, что США лидируют в мире по численности международных мигрантов (иммигрантов) (51 млн человек, или 19 % от общего их числа в мире в 2019 г.) [International migration..., 2019]. США возглавляют список стран мира для обучения за рубежом. Согласно данным Министерства образования, в стране насчитывается свыше 1 млн иностранных учащихся [Топ-6 стран..., 2018]. В мировой киноиндустрии США выделяются по степени внешней ориентированности отрасли. Фильмы американского производства лидируют по популярности за рубежом. Например, кинолента «Иисус», снятая американской межденоминационной миссионерской организацией «Campus Crusade for Christ», демонстрировалась в 200 странах мира, была переведена на 446 языков и собрала зрительскую аудиторию численностью 1,3 млрд человек [Многоликая глобализация., 2004]. В 42 странах (из 47, включая США) доля просмотров в кинотеатрах американских лент превышает 45 %, из них в 17 странах — свыше 75 % [Белова, 2018]. Неслучайно, что «американизация» нередко используется в качестве синонима процесса глобализации.

При всей эффективности применения «мягкой силы» США не отказываются от жестких методов и часто прибегают к ним в международных отношениях для достижения геополитических целей. Определить, в какой мере внешнеполитический успех США обусловлен действием «мягкой силы», в том числе дипломатических методов и общего благоприятного имиджа, а в какой — «жесткой силы», затруднительно. Однако отрицать мягкое воздействие Соединенных Штатов на геополитическое пространство невозможно [Братерский, Скриба, 2013].

В специальной литературе наряду с американской стратегией использования «мягкой силы» также выделяется европейская, советская, японская, российская и китайская, что обусловлено национально-историческими особенностями

внешней политики стран, а также различиями в ресурсной базе, проводимых мерах, геополитических целях и позиционировании.

Стратегии условно подразделяются на традиционные и современные. К традиционным относят американскую, европейскую и советскую, к современным — китайскую, японскую и российскую [Бобыло, 2013]. Помимо американской, наиболее ярко выраженными и эффективными в настоящее время считаются европейская и китайская стратегии влияния.

Европейская стратегия также называется консервативной. Несмотря на более слабую, по сравнению с США, военную и экономическую мощь отдельных европейских стран, Европа успешно конкурирует с Соединенными Штатами в сфере культурного и политического влияния [Бобыло, 2013]. Объединение государств в Европейский союз способствовало его становлению в качестве центра мирового геополитического влияния.

Широкая известность произведений культуры Старого Света, европейских языков, кулинарных традиций, а также отдельные положительные образы, например немецкая точность, надежность швейцарских банков, английские манеры, — все это формирует привлекательный образ и, в частности, туристскую аттрактивность европейского региона.

Признание европейцами верховенства закона, основанного на решениях международных организаций, ведет к жесткому ограничению применения силы. Готовность к сотрудничеству в разрешении международных проблем, акцент на дипломатии и утверждение ненасильственных форм разрешения конфликтов — таковы главные характеристики имиджа Объединенной Европы в геополитическом пространстве. В отличие от США, уделяющих большое внимание жестким методам геополитической борьбы, Европа придерживается иного видения нового мирового порядка и особой роли «мягкой силы» в его установлении.

Большой спецификой обладает современная стратегия влияния Китая. С начала реформ открытости страна развивалась ускоренными темпами: наращивалась экономическая мощь, что дало основание говорить о «китайском чуде», улучшалось благосостояние населения, укреплялось положение

государства на международной арене. Сегодня КНР, наравне с США, определяет глобальную финансово-экономическую ситуацию. Однако в культурно-идеологической привлекательности Китай пока уступает многим странам.

Важнейшими задачами, вставшими перед КНР, стали усиление геополитического влияния, формирование международного имиджа, преодоление сложившихся негативных стереотипов о стране, власти, народе и общественной культуре. В настоящее время Китай прилагает усилия, чтобы расширить сотрудничество на региональном и субрегиональном уровнях, развить геополитические отношения посредством участия в международных организациях, обеспечить экономическую интеграцию, а также наладить контакты с отдельными государствами. Таким образом, современная китайская стратегия направлена на укрепление международных связей.

Китай как один из центров современного многополярного мира добивается геополитических целей мирным путем. Во внешней политике он руководствуется принципом бесконфликтного сосуществования. В Китае разработана национальная концепция ценностного взаимодействия с другими цивилизациями и культурами [Бобыло, 2013].

В целом, китайская стратегия «мягкой силы» направлена на то, чтобы изменить отношение в мире к китайской идеологии и политической системе, сформировать их положительный образ. Для этого Китай активно развивает внешние культурные обмены как неотъемлемую часть публичной дипломатии, а также завоевывает информационное пространство [Shambaugh, 2015]. Эти обмены идут по двум каналам — собственно культурным и образовательным [Бобыло, 2013].

Упрочить положение Китая в мире позволяет международная сеть культурно-образовательных центров «Институты Конфуция». Она была создана Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом Министерства образования КНР совместно с зарубежными центрами китаеведения и получила имя выдающегося мыслителя, философа и учителя древности Конфуция. Первый Институт был открыт в 2004 г. В настоящее время их насчитывается более 500 в разных странах мира, в том числе России.

Миссия Институтов Конфуция определялась исходя из принципов взаимного уважения, межнационального диалога и взаимообогащения культур. Она состоит в том, чтобы способствовать росту понимания Китая и китайской культуры во всем мире, налаживанию дружеских отношений с другими странами, развитию плюрализма в мире и построению гармоничного общества. Институты Конфуция содействуют изучению и преподаванию китайского языка как важнейшего средства коммуникации и взаимопонимания народов, укрепляющего симпатии к КНР. Они проводят научные конференции, конкурсы и другие мероприятия, усиливающие существующий потенциал интереса к стране. Институты Конфуция организуют студенческие и преподавательские стажировки в Китае, развивая международную мобильность и формируя устойчивое доверие к стране.

Для иностранных граждан в Китае открыты специальные образовательные программы. Китайские университеты привлекают на обучение студентов со всего мира, в первую очередь из стран Юго-Восточной Азии. Первостепенная ориентация на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) объясняется стратегическими интересами и интеграционной активностью Китая.

Китайская стратегия «мягкой силы» в равной степени направлена на укрепление внешнеполитических позиций страны и усиление культурного влияния. Важнейшей ее чертой является принципиальная бесконфликтность.

Страны, прибегающие к «мягкой силе», стремятся укрепить их авторитет и влияние в мире, обеспечить благоприятное окружение. Однако за этими общими устремлениями кроются вполне конкретные и различные геополитические цели. Для США — это поддержание мирового лидерства. Для ЕС — создание мощного противовеса внешней политике США и достижение ведущих геополитических позиций за счет внутрирегионального сотрудничества. Для Китая первостепенным является налаживание обширных международных связей, усиление экономической интеграции в АТР и завоевание расположения других государств.

В современных условиях наиболее значимых результатов во внешней политике с использованием «мягкой силы»

достигли США и Китай, сумевшие «возвыситься», хотя и разными способами. Они успешно сочетают «мягкие» и «жесткие» инструменты в международных отношениях. Позиции европейских стран несколько ослабли вследствие дезинтеграционных процессов, которые приводят к финансовым кризисам, безработице и политической нестабильности.

Эффективность мягкого воздействия объяснима популяризацией культуры и внешнеполитических действий, благоприятным имиджем субъекта влияния, позволяющим прямым или косвенным образом создавать условия добровольного участия и подчинения, и тем самым достигать поставленных геополитических целей.

Однако внешняя политика не всегда позволяет следовать исключительно концепции «мягкой силы» из-за необходимости применения жестких мер, что привело к созданию новой усовершенствованной концепции «умной силы» (от англ. smart power). Если «мягкая сила» направлена на достижение результата с помощью согласия и сотрудничества, а «жесткая» — с помощью принуждения, то «умная сила» определяется как способность координировать и комбинировать возможности и ресурсы «мягкой» и «жесткой сил» [Nye, 2004].

К примеру, во время холодной войны США использовали «жесткую силу» для противостояния Советскому Союзу в совокупности с «мягкой силой». Последняя применялась для снижения популярности идей коммунизма за железным занавесом и продвижения собственной, американской идеологии среди союзников, что можно признать проявлением «умной силы» [Nye, 2006]. Использование «умной силы» считается более эффективным.

1.3. Концепция «умной силы»

Сочетание инструментов «мягкой» и «жесткой сил», за исключением прямых военных действий, можно признать проявлением концепции «умной силы» [Wilson, 2008]. Они дополняют друг друга, компенсируя слабые стороны (рис. 1.3.1). В настоящее время следование лишь одной из полярно различных стратегий «мягкой» или «жесткой силы» встречается редко. В большинстве случаев речь идет о промежуточных

формах — нейтральной либо тяготеющей к «мягкости» или «жесткости».

Рис. 1.3.1. Сочетание геополитических сил

Как пример обычно рассматривают экономическое влияние, но не путем прямого официального принуждения (санкционирования), а с помощью вознаграждения (финансовой поддержки).

В годы Второй мировой войны в США действовала государственная программа ленд-лиз (от англ. lend — давать займы и lease — сдавать в аренду, внаем). Она предполагала поставку союзникам боевых припасов, техники, продовольствия, медицинского оборудования и лекарств, стратегического сырья, включая нефтепродукты. Таким образом США стремились укрепить международные связи и геополитическое влияние.

Другой пример применения «умной силы» с использованием экономических возможностей относится к более раннему периоду, началу XIX в. В 1819 г. между США и Испанией был заключен договор Адамса–Ониса о территориальном размежевании в Северной Америке. Договор зафиксировал, в частности, передачу Флориды от Испании Соединённым Штатам и определил границу между США и испанской Мексикой.

Соединённые Штаты ранее безуспешно пытались приобрести Флориду у Испании, но лишь в 1818 г. сложились для этого условия. Испанская метрополия была истощена войной

с Наполеоном на Пиренейском полуострове, а в ее американских колониях вспыхнули революции. В ходе переговоров Испания согласилась бесплатно передать США Флориду, где у нее практически не было ни государственных структур, ни войск. В свою очередь США гарантировали оплатить претензии американских граждан к испанскому правительству.

Рассмотрим еще один пример использования «умной силы» — неофициальное введение Китаем санкций в отношении Республики Корея в марте 2017 г. Причиной обострения отношений между странами послужило внедрение системы противоракетной обороны (ПРО) США на территорию Южной Кореи в ответ на активизацию северокорейской ракетно-ядерной программы летом 2016 г. Официально недовольство объяснялось открывшейся для США возможностью наблюдения за воздушным пространством Северного Китая, что противоречит геополитическим интересам КНР [Ланьков, 2017].

Власти КНР рекомендовали ограничить или прекратить сотрудничество с Республикой Корея. Для воздействия была выбрана главная «болевая точка» корейской экономики — ее сильная зависимость от экспорта. Решение о переходе на экспортноориентированную модель развития стало отправной точкой глубоких экономических преобразований в Республике Корея, которые позволили ей преодолеть отсталость и превратиться из аграрной, разоренной войной страны в индустриальную державу, один из четырех «азиатских тигров». За период с 1971 по 1994 г. она поднялась на 27 позиций и заняла 11 место в мире по объему внешнеторгового оборота [Старичков, 1999]. В настоящее время Республика Корея входит в десятку крупнейших торгующих стран мира. Ее доходы от экспорта превышают 35 % ВВП [Подоба, Титова, 2018]. Однако именно экспорт и его рост создают ряд уязвимых мест в южнокорейской экономике, которыми не преминула воспользоваться КНР — главный внешнеторговый партнер Республики Корея. На его долю приходилась четвертая часть товарооборота Республики Корея.

Запрет на деятельность корейских фирм и продажу их товаров в Китае официально объяснялся не политическими причинами, а несоблюдением некоторых формальностей:

нарушениями правил пожарной безопасности, неправильным оформлением кадровой документации и т.д. Этот запрет, в первую очередь, коснулся большого числа мелких корейских фирм, работающих в районе Ванцзин — «корейском квартале» Пекина [Ланьков, 2017].

Рекомендации об ограничении экономического сотрудничества распространялись и на сферу туризма. Китайские туроператоры вынуждены были свернуть продажу путевок в Южную Корею. Напомним, что для последней китайский рынок является целевым. В 2016 г. на его долю приходилось 48 % от всех международных туристских прибытий в Южную Корею [Ланьков, 2017]. Китайские туристы приезжают не только чтобы ознакомиться с корейской культурой, но и заняться шопингом, который приносит значительный доход в бюджет принимающей страны. Ограничения на туристские поездки в Южную Корею имели негативные последствия не только для корейской индустрии въездного туризма, но и всей национальной экономики.

Ограничения также касались сферы культуры. Они распространялись на показ телесериалов южнокорейского производства и эстрадные программы. Частично были отменены запланированные гастроли корейских артистов [Ланьков, 2017]. Эти меры были направлены на снижение популярности корейской культуры, создавались дополнительные препятствия к распространению «Корейской волны» (Халлю). Таким образом наносился удар по политике «мягкой силы» Республики Корея.

Санкции вводились неформально, без открытого и прямого признания их существования. В результате санкционируемая сторона была лишена возможности подавать апелляции, тогда как субъект влияния наоборот получал относительную свободу действий.

Однако в случае неэффективности китайской политики негласного санкционирования противодействие между странами, ранее следовавшими по пути укрепления экономического сотрудничества, может привести к подрыву международного имиджа Китая. Подобный результат противоречит общей политике позиционирования КНР как субъекта влияния «мягкой силы» в геополитическом пространстве.

Из рассмотренного выше примера с ограничением туристских поездок следует, что туризм как форма проявления социально-экономической активности общества и связующее звено между обществом, геополитическим пространством и государством может выступать в качестве инструмента геополитического влияния [Крыстев, 2015].

Глава 2. Туризм как фактор геополитического воздействия

2.1. Взаимовлияние геополитической обстановки и международного туризма

Анализ текущего состояния и динамики развития глобального туристского рынка показывает, насколько актуальным является исследование взаимовлияния геополитической обстановки и международного туризма. Очевидно, что география туристских потоков сегодня все больше зависит от геополитики [Александрова, Крутикова, 2017].

В 2016–2017 гг. специально для крупнейшей туристской выставки в мире ITB, которая ежегодно проходит в Берлине, был проведен опрос о том, как воспринимают безопасность потенциальные отдыхающие. 6032 человека приняли участие в он-лайн анкетировании из девяти стран: Великобритании, США, Китая, Японии, Южной Африки, Германии, Франции, России и Индии. Результаты исследования показали, что личная безопасность при выборе места отдыха волнует 97 % респондентов, причем вне зависимости от того, предполагается ли путешествие по стране или за ее пределами. Со временем, по сравнению например с 2014 г., эта озабоченность нарастает. 93 % респондентов имели ввиду прежде всего терроризм, а также, но с большим отрывом называли криминогенную обстановку, эпидемии и природные катаклизмы [Mogakabati et al., 2017].

В геополитическом пространстве складываются разные ситуации, оказывающие влияние на туризм. Некоторые из них способны за короткое время полностью уничтожить индустрию туризма.

Дестабилизирующие ситуации условно можно разделить на три типа:

- продолжительные (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Сомали, Центральноафриканская республика и др.);
- кратковременные вследствие единичного случая (Германия, Испания, Новая Зеландия, Норвегия, США, Франция и др.);

- ситуации неопределенности и постоянной изменчивости (Египет, Израиль, Кения, Перу и др.) [Щербакова, 2007].

Геополитическая нестабильность может принимать разные формы — от мягких и неопасных для туристов, например дипломатические разногласия, до самых острых, в том числе военные действия, революции, пиратство и т.д.

Крайне опасной формой проявления геополитической нестабильности является терроризм. С 1970 по 2018 г. в мире было совершено более 170 тыс. терактов. В 2018 г. террористические инциденты произошли в 103 странах, в том числе в 71 стране — с человеческими жертвами [Global Terrorism Index, 2019]. Нередко мишенью террористических атак становятся туристы, как например в Луксоре (Египет), на о. Бали (Индонезия), Сусе (Тунис) и др.

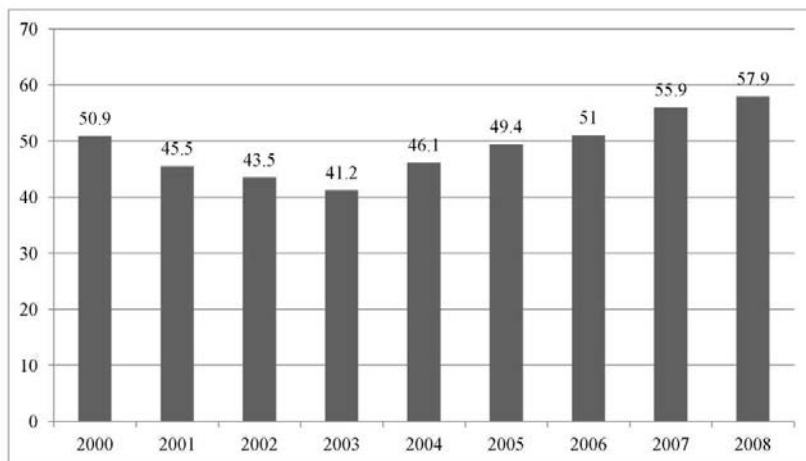

Рис. 2.1.1. Динамика числа международных туристских прибытий в США в 2000–2008 гг., млн поездок.

Составлено по: UNWTO Tourism Highlights, 2007

С самым серьезным вызовом массовый туризм столкнулся 11 сентября 2001 г. Террористические акты изменили туристскую картину не только в США, но и во всем мире. В США положительная динамика объема въездного туризма последних лет была прервана. В 2001 г. по сравнению с 2000 г. он

сократился на 10,6 %. Падение продолжилось в последующие годы [UNWTO Tourism Highlights, 2003]. Полное восстановление произошло лишь спустя пять лет, к 2006 г. (рис. 2.1.1).

На рис. 2.1.2 хорошо видно резкое падение числа туристских прибытий из-за границы сразу после терактов в сентябре, октябре и ноябре 2001 г. В сентябре значение показателя снизилось почти в 2 раза по сравнению с августом. Конечно, нельзя полностью исключить влияние и фактора сезонности в это время. Традиционно на июль и август приходится пик посещаемости страны иностранными туристами, после которых фиксируется некоторое ослабление туристской активности. Мониторинг помесечной динамики объемов въездного туризма в США на протяжении последних 10 лет показывает, что сокращение хотя и имеет место осенью, тем не менее не столь обвальное, как в 2001 г. Например, в 2019 г. въездной поток в сентябре был всего на 17,3 % ниже, чем в августе того же года.

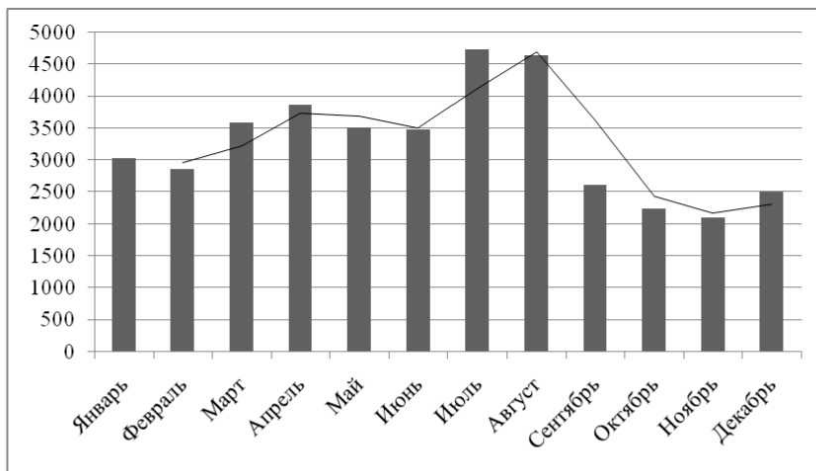

Рис. 2.1.2. Динамика числа международных туристских прибытий в США в 2001 г. по месяцам, тыс. поездок Сплошной линией показан тренд.

Составлено по: U.S. National Travel & Tourism Office

Последствия терактов 11 сентября были зафиксированы не только на североамериканском рынке туризма, но и во всем

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru